

□ М. Д. ЧЕРТЫКОВА

ХАКАССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Ф. Катанова
1939

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

PRINCIPLES OF CLASSIFICATION OF VERBS WITH THE VALUE OF MENTAL ACTIVITY IN KHAKAS LANGUAGE

Аннотация

В статье с опорой на методологии известных лингвистов – русистов описываются принципы составления семантической классификации глагольной лексики в языковой системе на материале хакасского языка. При классификации лексических единиц важно учитывать их функционально-семантические особенности, так как семантика и сочетаемость составляют неразрывную синтагму. Таким образом, сходство глаголов одной ЛСГ выражается наличием у них не только общей категориально-лексической семы, но и сходством типовой сочетаемости.

Ключевые слова

хакасский язык, глагол, классификация, семантика, сочетаемость.

Summary

The article, drawing on the methodology of famous linguists – specialists in Russian Philology describes the principles of drawing up a semantic classification of verbal lexicon in the linguistic system on the material of the Khakas language. In the classification of lexical units is important to consider their functional and semantic features, as semantics and compatibility form an integral phrase. Thus, the similarity of verbs is expressed by one of LSG that they have not only a common categorical-lexical semes, but also the similarity of the model to match.

Keywords

Khakass language, verb, classification, semantics, compatibility.

Взаимосвязь языковой системы и человеческого фактора отражается в том, что человек пытается создать мир «по своему образу и подобию», все многообразие окружающей действительности находят воплощение в языковой системе. С

одной стороны, человек категоризирует действительность, и структуры, представленные им, обусловлены человеческой природой, его сознанием. С другой стороны, сам язык создает предпосылки для классификации в лексической системе, которая выражается в общности значений единиц системы и в их семантических связях.

Проблема семантической классификации глаголов, проявляющейся в ее сложности и многоплановости, является наиболее актуальной в современном языкознании, о чем свидетельствуют многочисленные работы отечественных ученых, в которых предлагаются различные подходы и методы, использование которых зависит от целей и задач проведения данного исследования [Васильев 1971; Кузнецова 1979; Бабенко 1980 и др.].

В тюркском языкознании работа по систематизации глагольной лексики остается открытой и перспективной. Н. К. Дмитриев впервые выделил следующие семантические группы глаголов в татарском языке: глаголы речи, мышления, активного действия и движения [Дмитриев, Чистяков, Бакеев 1952]. Затем предпринимались попытки сгруппировать наиболее употребительные корневые и синтетические глаголы в казахском языке [Кульмагамбетова 1956], в юго-западной группе тюркских языков [Кулиев 1975] и др. В предложенных семантических классификациях выделены следующие наиболее общие семантические разряды: 1) глаголы движения; 2) глаголы действия; 3) глаголы речи; 4) глаголы, связанные с процессом мышления, зрения и слуха; 5) глаголы состояния. Появились работы по детальному изучению отдельных глагольных лексико-семантических групп (далее – ЛСГ), например, В. Ф. Вещилова глаголы со значением движения турецкого языка, «обозначающие перемещение субъекта в пространстве», делит на четыре подгруппы: 1) глаголы способа движения (называют способ без указания направления); 2) глаголы направления, указывающие направление движения 3) глаголы способа и направления движения; 4) глаголы отвлеченного значения, обозначающие сам процесс движения, не указывающие ни на

способ, ни на направление [Вещилова, 1962: 111]. Анализ башкирских глаголов по функционально-когнитивным характеристикам проведен в докторской диссертации М. Г. Усмановой [Усманова 2002]. В числе последних работ по семантической классификации глагольной лексики можно назвать работу Р. А. Тадиновой, в которой исследуются глагольные тюркизмы в кавказских языках, в том числе рассматриваются типы семантических модификаций тюркских глаголов при их заимствовании в

кавказские языки, выявляются общие закономерности структурного освоения тюркских основ. Глаголы со значением психической деятельности автор делит на следующие подгруппы: 1) глаголы речи; 2) глаголы чувственного восприятия; 3) глаголы мышления; 4) глаголы

знания [Тадинова 2005: 76-79]. Имеются также работы по исследованию глаголов движения в узбекском языке [Халиков 1967]. Изучению отдельных ЛСГ посвятили свои диссертационные исследования также М. Оразов [1983], Ю. В. Псянчин [1990], Р. Иштанова [2002] и др. Все эти исследования проводились на системно-семантическом уровне.

Работа А.А.Юлдашева «Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках» является первым опытом классификации глаголов эмоции и восприятия в тюркских языках. Основываясь на структурно-морфологических свойствах данных глаголов, автор выделяет две большие группы: 1) глаголы, выделяемые только по указанным общим для всех них признакам; 2) глаголы, требующие особого построения [Юлдашев 1961: 296]. К первой группе относится «небольшое число корневых глаголов типа тат.: **сизү-** «чувствовать», **күрү-** «видеть», **ишетү-** «слышать», **теләү-** «хотеть», **сызлау-** «ныть» и единичные сложные глагольные лексемы типа казах. **таң калу** «восхищаться», тат. **гашик буллу** «влюбиться» [Юлдашев 1961: 296]. Во вторую группу А.А.Юлдашев относит сложные лексемы, представляющие собой «сочетание именной и глагольной основы, которые базируются на грамматических признаках предикативного словосочетания. Эти образования с данной точки зрения представляют собой законченное предложение, в котором подлежащим является первый компонент сочетания, сказуемым – второй компонент» [Юлдашев 1961: 306]. Далее автор рассматривает грамматические возможности в основном устойчивых сочетаний и фразеологических сочетаний типа: хак.: **уйғу кил-** «хотеть спать; букв. сон приходит», **пас айлан-** «голова кружится», **тўске кір-** «сниться; букв. заходить в сон», **айназы тут-** «злиться; букв. [его] черт держит» и т.д. Используя термин «чувственное восприятие», автор рассматривает основные эмоции и восприятия.

В тюркских языках Южной Сибири исследование системной глагольной лексики ведется с 90-х гг. прошлого столетия представителями Новосибирской лингвистической научной школы, в исследованиях которых сопоставлялись эмотивные глаголы в алтайском, хакасском, тувинском и казахском языках [Козырев 1999], проводилась семантическая классификация и выявлялись семантические и функциональные особенности глаголов говорения в хакасском языке и шире – глаголов со значением психической деятельности [Чертыкова 1996; 2016], интеллектуальной деятельности в алтайском языке [Саналова 2007], глаголов поведения в тувинском языке [Салчак 2005], глаголов движения в

тувинском языке [Барыс-Хоо 2006] и др. В последние годы исследователи занимаются сбором материала и анализом лексических и семантических параллелей в тюркских языках Южной Сибири, в частности, глаголов со значением речевой и мыслительной деятельности [Шагдурова, Озонова 2014; Тюнтешева, Шагдурова, Байыр-оол, Широбокова 2015]. Кроме того, в последние десятилетия при изучении тюркских языков Южной Сибири внимание фокусируется на семантических группировках слов в плане синтагматики. Поскольку глагол занимает центральное положение в семантической структуре предложения, сочетая в себе синтаксический и семантический аспекты, он привлекает к себе внимание не только лексикологов, но и синтаксистов: разрабатывается целая система описания синтаксической семантики и критериев разграничения моделей и их вариантов [Черемисина 1997; Серээдар 1995; Чугунекова 1998; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008 и др.].

Семантическая классификация глаголов «способствует обновлению существующих способов идентификации значений глагольных лексем и совершенствованию их лексикографических толкований» [Усманова 2002: 10]. Исследователи с точки зрения выражаемого общего понятия и функционально-семантических свойств глаголы выделяют на первом уровне членения на два разряда: глаголы действия и глаголы состояния (или, точнее, глаголы физического действия и глаголы психического состояния). Глаголы противопоставляются по ряду признаков и, соответственно, каждая из этих групп распадается на более мелкие группировки: семантические поля, лексико-семантические группы, многочисленные микрогруппы и подгруппы, синонимические ряды. «Основное их различие – семантическое, обусловленное онтологическими особенностями именуемых денотатов, «поддерживается» глубокими функциональными и грамматическими различиями. Глаголы действия характеризуются как номинативные единицы, имеющие сложную семантическую структуру. Акциональные глаголы выражают действия субъекта (деятеля), направленные на объект и вызывающие в нем определенные изменения, т.е. по семантической характеристике это глаголы событийного плана» [Усманова 2002: 10].

Глаголы антропоцентрической направленности (или обозначающие процессы, происходящие в человеке), противопоставляются глаголам, обозначающим механическое действие, их главное различие заключается в характере объектов. Специфика их объектов проявляется в том, что глаголы, обозначающие ментальные акты, сочетаются с пропозицией и его эквивалентами в то время, как глаголы со значением физического действия сочетаются с предметными именами, например, **алыптан-** от сущ. **алып** «богатырь» «мнить (считать) себя сильным; выдавать себя за сильного [богатыря]» [ХРС 2006: 59]. *Аал аразында олох ла олғаннар табызы, хатхы-күлкүде оолахтар, аттың ойладың, хыстар алнында алыптанчалар* – В деревне [слышны] все те же детские голоса, веселые парни скачут на лошадях и **мнят** себя героями перед девушками; **тузахта-** «1) треножить, налагать путы (на передние ноги лошади); **ат тузахтирға** стреножить коня; **хараазына атты тузахтап саларға** стреножить коня на ночь; ловить силком, петлей птиц, мелких животных» [ХРС, 2006: 674].

Наше исследование глагольной лексики хакасского языка ограничивается рамками одного семантического поля – крупного лексического объединения, включающего в себя несколько глагольных ЛСГ по общности определенной архисемы, указывающей на неразрывную связь окружающего мира с сознанием и мышлением человека, с его духовным миром. Теория поля оказалась результативной потому, что в понятии «поле» лингвистам удалось реализовать идею о наличии некой структурной величины, которая объединяет лексику в лексико-семантическую систему. Глаголы психической деятельности хакасского языка являются базовыми и относятся к антропосфере, то есть обозначают действия, выполняемые одушевленными именами, но если же рассматривать данный вопрос более узко, то субъектом (наблюдателем, говорящим) может быть исключительно человек. Данный раздел глагольной лексики представляет собой значимый фрагмент хакасской языковой картины мира. В семантическое поле глаголов психической деятельности входят пять ЛСГ глаголов со значениями говорения, эмоции, мышления, поведения, восприятия, объединенных общей категориальной семой «проявлять какие-либо психические способности, присущие человеку». Антропоцентрический аспект исследований предполагает, что все многообразие объективной действительности, получившее выражение в языковой системе, связано с той или иной деятельностью человека. Например, ментальные глаголы (глаголы со значениями мышления и знания), называя определенные действия и состояния, являются важным материалом в описании одного из аспектов мировоззрения – ментальности языковой личности, например, **пiл-** «знать», **пiлiн-** «осознать», **сиргектен-** «настораживаться; быть внимательным, чутким, зорким», **ситкi-** «внимать, быть внимательным; замечать, обращать внимание; чаще употребляется в форме деепричастия», **унду-** «забыть», **онна-** «понимать» и др. Глаголы со значением эмоции включают позицию причины (стимула) эмоционального переживания, что дает возможность проследить связь между человеком (или живым существом) и окружающей его действительностью, т.е. реакцию субъекта на определенные стимуляторы, например, **öкерсiн-** «любоваться», **öрiн-** «радоваться», **чочын-** «пугаться», **пичелен-** «печалиться», **таңна-** «удивляться; поражаться», **уйат-** «стыдиться; смущаться; стесняться», **атаарха-** «завидовать» и др.

Что касается целостной системы психической деятельности человека и антропоцентрической модели портрета человека, возникает вопрос о целесообразности отнесения глаголов поведения к общему полю с глаголами со значениями говорения, эмоции, восприятия и мыслительной деятельности. Действительно, семантика глаголов поведения имеет свои особенности. Оценочная характеристика поведения субъекта содержится в семантике глагола, поэтому они могут в качестве атрибута изредка сочетаться только с наречиями с семантикой интенсивности действия. Считаем, что поведение человека обычно диктуется его мыслями, чувствами, реакцией на окружающую действительность. Следовательно, поведенческая деятельность человека находится в рамках его психической жизни, его внутреннего мира.

Как известно, ЛСГ – это составная часть лексической системы, выделяемая на лингвистической и лингвокультурологической основе, члены которой связаны на основе сходства, противоположности и иерархии или же, конкретнее – это

совокупность слов, относящихся к одной и той же части речи, объединенных помимо грамматических сем, еще общей категориально-лексической семой (архисемой, классемой), которая является основной и существенной при объединении слов. В свою очередь в каждой ЛСГ на основе общности дифференциальных признаков выделяются отдельные парадигматические группировки, соотношение которых определяет внутреннее соподчинение ЛСГ: подгруппа, микрогруппа, подпарадигма. Выразителем инвариантной семы является наиболее частотный и нейтральный базовый глагол (реже, глагольно-именное сочетание). Например, в ЛСГ ментальных глаголов выделяем семантические подгруппы глаголов со значениями мышления (базовый глагол – **сағын-** «думать»), знания (**піл-** «знать»), памяти (**сағыста тут-** «помнить»), мнения (**сана-** «считать»), понимания (**оңна-** «понимать») и т.д. В каждой ЛСГ выделяется ядро, включающее многозначные глаголы, а также и периферийные зоны, состоящие из единиц, у которых общее категориальное значение прослеживается уже не так четко, поскольку оно совмещается с иными семантическими признаками, например, одиночные глаголы со значением эмоции. «... в их семантике доминирующий эмоциональный аспект сосуществует с другими аспектами: перцептивными (**өкерсін-** «любоваться»), ментальными (**кўнне-** «ревновать», **чидікпе-** «быть в нетерпении», **тўўл-** «1) испытывать отвращение к кому-л. (напр., после его неприятных поступков); 2) разочароваться в ком-л., чем-л. [ХРС, 2006: 696]), физиологическими (**чархан-** «тяготиться кем-чем-л.», **тўўл-** «1) испытывать отвращение к кому-л. (напр., после его неприятных поступков); 2) разочароваться в ком-л., чем-л. [ХРС, 2006: 696]). Например, эмоция ревности включает такие аспекты, как страх, злость, жалость к себе, а также мыслительные операции, как предположения и подозрения. Тем самым, мы подтверждаем слова Л.С.Рубинштейна о том, что «чистых» эмоций не бывает [Рубинштейн, 1984] [Чертыкова, 2016: 75].

Ядро ЛСГ образуют лексемы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, без ограничивающих стилистических, эмоциональных, экспрессивных сем. Это в основном доминанты семантических подгрупп и микрогрупп, состоящие в отношениях тождества категориально-лексической семы ЛСГ. В центральной (ядерной)

части ЛСГ глаголов эмоции хакасского языка расположены глаголы с исконно первичной эмоциональной семантикой, обозначающие базовые эмоции и основные характеристики процесса эмоциональной деятельности: **хын-** «любить», **хорых-** «бояться», **өрін-** «радоваться», **пу харахтаң көрбе-** «ненавидеть», **хайха-** «удивляться» и т.д. Специфика ЛСГ тюркских глаголов эмоции заключается в том, что она не имеет вершины – идентификатора. Категориально-лексическая сема «чувствовать, испытывать какую-л. эмоцию» конкретизируется в семантике каждого члена ЛСГ. Малоупотребительные глаголы (**чархан-** «тяготиться *чем-л.*», **чидік-** «употр. чаще в отриц. форме; быть в нетерпении», **күнне-** «ревновать» и т.д., у которых развиты объектные дифференциации), а также и глаголы, обозначающие эмоцию во вторичных ЛСВ (**хырт хылын-** «относиться к кому-л. с раздражением; недолюбливать; букв. вести себя раздраженно», **сағын-** в ЛСВ «хотеть»), оказываются на периферии.

Поскольку системное описание лексики требует изучения ее в парадигматическом и синтагматическом планах, то данные глаголы мы рассматриваем с учетом этих двух аспектов. При этом анализируется семантика каждого глагола, в которую входит семантический признак, обуславливающий его принадлежность к одной ЛСГ, и дифференциальные семы, противопоставляющие их другим членам группы. Обычно эти семы выявляются при описании их сочетаемостных особенностей, что говорит о неразрывной связи семантики глагола и его сочетаемости. Возьмем к примеру синонимичные глаголы **сөкле-** «порочить, поносить, оскорблять; злословить; обзывать»; **салчы-** «порочить, оскорблять, бранить, поносить», имплицитные в своем значении сему «нехорошими, бранными словами». В предложениях с ними часто отсутствует позиция содержания речи: *Мині ол саринаң хоп чоох суғыстырчаңнар сөклеп полбастар* (Ткө, 172) – Клеветники **не смогут обзывать** меня. *Араға ізініп алча, анаң салчыпча* – [Он] напивается и **бранится**. Иногда примерное представление о содержании речи выявляется из актуального смысла предложения: *Пірсінде ол Макрейні, ирине күннеп, кізілер көзіне чоо сөклеен* (Ткө, 179) – Однажды она при людях сильно **обзывала** Макрей, **ревнуя к [своему] мужу**. Глаголы **сөкле-** и **салчы-** синонимичны по значению «задевать *чь-л.* достоинство», но в семантике глагола **сөкле-** присутствует сема преднамеренного оскорбления адресата. Глагол **салчы-** выражает неконтролируемую брань, содержащую оскорбительные, поносные слова. При глаголе **сөкле-** содержание речи

конкретизируется прямой речью, придаточным предложением со связкой **tіp**, именем со связкой **tіp** (при глаголе **салчы-**, в основном, – прямой речью): – *Анаң піссер хайдағ ла полза туғаннар, таныстар килчелер, – салчаан Тайса* – Затем к нам приходят всякие родственники, знакомые, – бранилась Тайса. – *Минің ирім мегее, семьяға пір дее хайбиныбысты, – салчынча ипчізі* – Мой муж перестал обращать внимания на меня, на семью, – бранится жена.

Если подчеркивается интенсивность и экспрессивность речи, глагол **сөкле-** сочетается с фразеологическими единицами, обозначающими характер брани: *Ол хызын алары чох иде сөклидір* – Она свою дочь поносит (букв. так, что нельзя взять). *Паночах ічезінең сын пабазынаңар сурғанда, анзы пабазын ну чирдең азыра сөклеен* – Когда Паночах у матери спросил о [своем] настоящем отце, она бранила отца чересчур (букв. за этой землей). *Обал-худай, чойланминчам, сині албас-чібес иде сөкленче* – Ей-богу, не вру, тебя обзывает последними словами (букв. так, что не взять-не съесть). В других тюркских языках употребляется: узб. **sok-** «ругать, бранить, порицать»; туркм. **soq-**; тур. **sog-**, гаг. **суу-**, где обозначает проклятия; алт. **сөк-** «состязаться в остроумии», «обмениваться колкостями». Значение проклятия выражает глагол **харға-** «проклинать». *Сині соон сүрістіре харғапчалар* (Т, 76) – Тебя проклинают за твоей спиной. *Харах частығ ипчілер, ічелер ачын ыырчыларны харғапчалар* – Вдовы, матери со слезами проклинают врагов;

Исследователи, как правило, строят семантические классификации ЛСГ глаголов с учетом их семантических и синтагматических особенностей. На первом этапе принято противопоставлять глаголы действия и глаголы состояния. Так, например, Т. А. Кильдибекова указывает на дифференциацию глагольной лексики на два разряда – глаголы действия и глаголы состояния. Она того мнения, что указанные разряды целесообразно квалифицировать как лексико-грамматические разряды глаголов, так как каждый из них отличается не только тем, что образует определенную лексико-семантическую группу слов, но и своими грамматическими признаками [Кильдибекова 1983].

В последние годы лингвисты в этом направлении стали использовать в качестве классификационных параметров те или иные грамматические (и сочетаемостные) свойства глагольных лексем, в частности, возможность / невозможность образования перфективных форм, сочетаемость с различными аспектуальными и

темпоральными обстоятельствами и т.д [9]. Например, Ю. Д. Апресян основные глаголы (предикатов) делит на следующие классы: 1. предикаты действия (ср. *строить, идти*); 2. предикаты деятельности (ср. *торговать, воевать*); 3. предикаты поведения (ср. *баловаться, капризничать*); 4. предикаты занятия (ср. *играть, отдыхать*); 5. предикаты воздействия (ср. *размывать, прогреть*); 6. предикаты, называющие процессы (ср. *расти, гореть*); 7. предикаты, называющие события (ср. *встречать, находить*); 8. предикаты существования (ср. *существовать, быть*); 9. предикаты, выражающие пространственные положения (ср. *стоять, лежать*); 10. предикаты, называющие состояния (ср. *знать, хотеть*); 11. предикаты свойства (ср. *заикаться, виться*); 12. предикаты проявления (ср. *блестеть, горчить*); 13. предикаты, называющие параметры (ср. *весить, стоить*); 14. предикаты отношения (ср. *включать, состоять из*); 15. предикаты интерпретации (ср. *ошибаться, соблазнять*) [10]. Данная классификация отличается от предшествующих своей семантической подробностью и основательностью. Как пишет сам автор: «Предшествующие классификации имели аспектуальную ориентацию: в них прослеживались связи определенного класса лексических значений глагола с категорией вида, особенно с видовыми значениями граммы НСВ или их аналогами. Предлагаемая ниже классификация нацелена на выявление закономерных связей между семантическим классом глаголов и всеми прочими свойствами входящих в него лексем» [Апресян и др. 2006: 82].

Наиболее удовлетворительным, позволяющим учесть максимальное количество особенностей глагольной лексики, представляется трехсторонний подход к классификации глаголов Л. М. Васильева, в основе которого лежат три принципа: 1) денотативный (или тематический), 2) парадигматический и 3) синтагматический [Васильев 1981: 39]. Денотативный подход в основном строится на интуиции исследователя, на его естественное чутье в выделении предметов, признаков, свойств, действий, процессов, событий и состояний, отраженное в структуре языка. Это наиболее традиционный принцип. Именно на нем основано выделение таких семантических классов, как ЛСГ, тематические группы и т.д. Парадигматические классификации лексики осуществляются путем анализа семантической структуры слова, выделения тождественных и дифференциальных компонентов в его значении. Парадигматический принцип учитывает в отличие от тематического не только денотативный, но и

сигнификативный аспект
 классифицируемых значений
 (семем). Так, например, каузативные
 и некаузативные, стальные и
 инхоативные, результативные и
 нерезультативные глаголы, а также
 другие подобные группы
 вычленяются только по
 парадигматическому принципу,
 путем анализа сигнификативных

(т.е. категориальных, а не вещественных) компонентов в значениях глаголов. Синтагматический подход предусматривает однотипную обобщенную сочетаемость глаголов в зависимости от общности их семантики. «Чем более расчленена система семантических валентностей, тем обобщеннее могут быть семантические типы предикатов, и наоборот: чем конкретнее типы семантических предикатов, тем обобщеннее могут быть семантические валентности» [Васильев 1981: 40-41]. Мы же в исследовании ЛСГ хакасских глаголов применяем все эти три описанных принципа. Основным является денотативный принцип, основанный на знании носителя языка, он используется при делении глаголов на те или иные ЛСГ. Последующее членение глаголов внутри структуры ЛСГ проводится на основании синтагматического и парадигматического принципов. Например, ментальные глаголы при классификации изначально делятся по семантическому признаку направленности на результат (статичности / динамичности интеллектуальной деятельности) на две категории: 1) глаголы со значением мышления (оперирования знанием); 2) глаголы со значением знания (обладания знанием). Идентификатор первой подгруппы – глагол **сағын-** «думать». Анализ семантической структуры данного глагола выявил 4 первичных и 4 вторичных ЛСВ его семантики, а также 4 сложных глагола по типу **сағын-** + вспомогательный глагол: **сағын кил-** «вспоминать», **сағын сал-** «1) задумать; 2) подумать», **сағын тап-** «1) придумать; 2) отгадывать», **сағынып ал-** «1) придумать; 2) задумать». Все эти элементы парадигматического содержания образуют семантическое гнездо многозначного глагола **сағын-** «думать». Идентификатор второй подгруппы – глагол **піл-** «знать», который в контексте реализует 5 ЛСВ своего значения: 1) знать что-л.; 2) уметь делать что-л.; 3) знать, быть знакомым с кем-л.; 4) понимать что-л.; 5) помнить что-л. Проведён анализ и производных от **піл-** глаголов: **пілін-** «сознавать», **піліс-** «понимать друг друга», **піл пол-** «понимать» и **піліп ал-** «понимать», представляющих его ближайшие понятийное окружение.

Далее глаголы со значением интеллектуального процесса (мышления) по дифференцированным признакам классифицируются по подгруппам: 1) глаголы со значением понимания (12 лексических единиц), базовый глагол **оңна-** «понимать»; 2) глаголы со значением внимания (13 глагольных единиц), базовый глагол **сизін-** «замечать»; 3) глаголы со значением контроля (проверки) (4 глагольных единиц), базовый глагол **сыныхта-** «проверять, контролировать». В микрогруппе глаголов

интеллектуального состояния выделяем подгруппы: 1) глаголы со значением мнения (3 глагола), базовый глагол **сана-** «считать»; 2) глагольные средства, выражающие операции памяти (23 глагольных единиц). Наиболее частотны в обозначении различных аспектов интеллектуальной деятельности ФЕ, образованные по типу «**сағыс** «мысли, дума» + глагол». Они распределяются по следующим разрядам: 1) фразеологические единицы с общим значением «хранить в памяти информацию»; 2) фразеологические единицы с общим значением «пополнять в памяти информацию»; 3) фразеологические единицы с общим значением «терять (из памяти) информацию, сознание».

Они распределяются по следующим разрядам: 1) фразеологические единицы с общим значением «хранить в памяти информацию»; 2) фразеологические единицы с общим значением «пополнять в памяти информацию»; 3) фразеологические единицы с общим значением «терять (из памяти) информацию, сознание».

Это приводит к более глубокому пониманию лексической системы языка, т.к. данная система включает в себя не только изолированные наборы лексических группировок, но и необходимые для реализации последних определенные конструкции, синтагмы. Противопоставление глагола-ономатемы, как единицы словаря или элемента языковой системы, с одной стороны, и глагола-синтагмы, как единицы речи, реализующейся в определенном контексте, обеспечивается при функционально-семантическом подходе к исследованию. Например, при составлении классификации глаголов эмоции на первой ступени, акцентируя внимание на качественной характеристике выражаемых эмоций, мы распределяем глаголы по трем основным группам: глаголы эмоционального состояния (настроения) (**өкерсін-** «любоваться»), глаголы эмоционального переживания (**хыйаллан-** «страдать», **чобал-** «горевать, скорбеть») и глаголы эмоционального отношения (**хырт көр-** «ненавидеть», **атаарха-** «завидовать»).

Восприятие человеком мира является одним из важных аспектов его жизнедеятельности. Понятие «восприятие» включает наименования органов чувств (глаза, уши, нос, кожа, язык) и процессов, связанных с функционированием этих органов. Далее это общее понятие конкретизируется как в сфере имени (уточняется представление об органах чувств, в системе появляются слова типа «зрение», «слух», «осязание», «обоняние», «вкус»), так и, особенно, в сфере глагола (возникает ЛСГ глаголов восприятия, устанавливаются многочисленные и разнообразные связи между фрагментами и отдельными членами этой и других ЛСГ хакасских глаголов).

К глаголам со значением восприятия мы относим глаголы, концептуализирующие фрагменты восприятия человеком окружающей действительности и, тем самым, получения им информации об окружающей действительности, которую он обрабатывает и классифицирует. Воспринятое же в последующих этапах оказывает влияние на его эмоциональную, поведенческую, речевую, мыслительную деятельности;

В ЛСГ глаголов восприятия в хакасском языке выделяются 5 подгрупп: 1) глаголы со значением зрительного восприятия (по нашим данным – 7 глагольных единиц); 2)

глаголы слухового восприятия (по нашим данным – 3 глагола); 3) глаголы касания и осязания (по нашим данным – 13 единиц); 4) глаголы со значением обоняния (по нашим данным – 3 единицы); 5) глаголы вкусового восприятия (по нашим данным – 5 единиц).

Структурную модель глаголов восприятия образуют не только простые синтетические глаголы (**көр-** «смотреть», **ис-** «слышать, слушать», **тең-** «1) задевать, дотрагиваться, прикасаться, притрагиваться; 2) касаться, трогать», **сыйба-** «1) гладить; 2) ощупывать», но и аналитические конструкции с модификатором **пар-** «идти» (**тееп пар-** «задеть, задевать», **наарыл пар-** «1) задеть, опереться; 2) наткнуться» и др.), репрезентирующие одноразовость и внезапность касания объекта и с модификатором **көр-** «смотреть» (**сас көр-** «попробовать толкнуть», **тайнап көр-** «попробуй пожевать», **ис көр-** «попробовать пить» и др.), выражающие значение вкусового восприятия. В хакасском языке значение осязания дают аналитические конструкции с модификатором **көр-**, который теряет свое первоначальное значение «смотреть»; присоединяясь к деепричастию на **-ып**, выражает действие, которое совершается только с целью пробы, испытания [Грамматика..., 1975: 245].

Глаголы **көр-** «смотреть», **ис-** «слышать», **чыстан-** «пахнуть» противопоставлены с глаголами **хара-** «выглядывать», **тыңна-** «прислушиваться», **чыста-** «нюхать» по признаку целенаправленного / нецеленаправленного (или преднамеренного / непреднамеренного) восприятия и пассивность / активность субъекта. В целом, они отражают процесс восприятия окружающего мира во всем его многообразии, в центре которого находится человек воспринимающий. Однако, в отличие от других глаголов антропоцентричной сферы, глаголы восприятия обозначают такие процессы, которые присущи не только человеку, но и другим живым существам, т.е. функции восприятия свойственны всем живым существам. Мы считаем, что принципиальное разграничение восприятия окружающего мира людьми и животными состоит в осознании / познании воспринимаемой информации.

В хакасском языке глаголы со значениями зрительного, слухового, вкусового восприятия, обоняния и осязания немногочисленны и в семантическом аспекте являются однозначными, т.е. имеют единственное значение слуха, вкуса и т.д., за исключением многозначных глаголов **көр-** «смотреть» и **ис-** «слышать», имеющими общетюркское происхождение. Все глаголы восприятия отличаются морфологической простотой, широкой сочетаемостью, стилистической нейтральностью, принадлежностью к основному лексическому фонду хакасского языка.

Таким образом, при семантической классификации глаголов более детальная категоризация происходит посредством частных парадигматических признаков их значений. Здесь важную роль играет метод компонентного анализа, который используется для выделения сем в значениях слов и заключается в выявлении дифференциальных и интегральных сем путём их попарного сопоставления внутри группы близких по значению слов. Данный метод рассматривает значение слова как состоящее из элементарных смыслов (признаков, компонентов, сем), и «опирающийся на более формализованные более разработанные приемы дистрибутивного и трансформационного анализа, в основе своей, как и компонентный анализ, тоже интуитивные, но основывающиеся на интуитивном знании языковой нормы (формы), а не содержания» [Васильев 1981: 42]. Так же одним из основных методов при исследовании ЛСГ глаголов является метод контекстного (дистрибутивного) анализа, позволяющий выявить различные оттенки значений исследуемых глаголов при их сочетаемости с другими членами предложения. Также при классификации глагольной лексики следует учитывать их грамматические, семантические признаки. Единицы ЛСГ – это единицы одной части речи, вычлняемые на основе общности денотата, и объединяемые по интегрирующему компоненту лексического значения конститuentов. При этом важно учитывать их определенные синтагматические особенности, свойственные именно глаголам одной группы: это типовая сочетаемость глаголов. Комплексный подход к изучению глагольной лексики предполагает рассмотрение взаимосвязи семной структуры и сочетаемости глаголов, так как семантика и сочетаемость взаимосвязаны. Глаголы, по общности значения состоящие в одной ЛСГ (микрогруппе, подгруппе, синонимическом ряду), характеризуются однотипностью в плане содержания и в плане выражения.

Литература

Апресян, Ю. Д., Апресян В. Ю., Бабаева Е. Э., Богуславская О. Ю., Иомдин Б. Л., Крылова Т. В., Левонтина И. Б., Санников А. В., Урысон Е. В. (2006). *Языковая картина мира и системная лексикография*. Школа «Языки славянских культур». Москва 910 с.

Апресян, Ю. Д. (2003). *Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография. Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции*. СПб., с. 7-21.

Бабенко, Л. Г. (1980). *Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. П. Платонова)*: автореф. дисс... канд. филол. наук. Свердловск.

Барыс-Хоо, В. С. (2006). *Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Новосибирск.

Васильев, Л. М. (1971). Семантические классы глаголов чувства, речи, мысли. *Очерки по семантике русского глагола.* Под ред. А. Ф. Нестерова. Уфа. с. 38-310.

Васильев, Л. М. (1981). Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 184 с.

Вещилова, В. Ф. (1962). Глаголы движения в турецком языке. *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.* Часть 4. Лексика. Москва: Наука. с. 101-115.

Под ред. проф. Н.А. Баскакова (1975). *Грамматика хакасского языка /* Москва: Наука, 418 с.

Дмитриев, Н. К.; Чистяков В. М.; Бакеев, Н. З. (1952). Глаголы движения, глаголы действия. Глаголы речи. Глаголы мышления. *Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе.* Москва, с. 162-242.

Иштанова, Р. К. (2002). *Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: автореф. дисс... канд. филол. наук.* Казань.

Кильдибекова, Т. А. (1983). *Структура поля глаголов действия: Учебное пособие.* Уфа: Изд-во Башкирского ун-та. 75 с.

Козырев, Т. А. (1999). *Лексико-семантическая группа эмотивных глаголов в тюркских языках Южной Сибири и в казахском (в сопоставительном аспекте): автореф. дисс... канд. филол. наук.* Новосибирск.

Кузнецова, Э. В. (1979). О принципах и методах выделения объема семантических классов русских глаголов. *Классы слов и их взаимодействие.* Свердловск, с. 5-12.

Кульмагамбетова, Б. Б. (1956). *Аффиксальное образование глаголов в современном казахском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук.* Алма-Ата.

Кулиев, Г. К. (1975). Семантические группы глаголов (на материале юго-западной группы тюркских языков). *Советская тюркология*, № 3. с. 7-16.

Падучева, Е. В. (2004). *Динамические модели в семантике лексики,* Москва: Языки славянской культуры, с. 608.

Псянчин, Ю. В. (1990). *Лексико-семантическое поле глаголов движения башкирского языка: автореф. дисс... канд. филол. наук.* Баку, с. 21.

Саналова, Б. Б. (2007). *Глаголы мыслительной деятельности в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком),* Горно-Алтайск, с. 197.

Салчак, А. Я. (2005). *Лексико-семантическая группа глаголов поведения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте: автореф. дисс... канд. филол. наук.* Новосибирск.

Серээдар, Н. Ч. (1995). *Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: автореф. дисс... канд. филол. наук.* Новосибирск.

Тадинова Р. А. (2005). *Глагольные тюркизмы в кавказских языках*, Москва: Советский писатель, с. 193.

Тюнтешева, Е.В., Шагдурова, О.Ю., Байыр-оол, А. В., Широбокова Н. Н. (2015). Глаголы интеллектуальной деятельности в тюркских языках и диалектах Саяно-Алтая. *Сибирский филологический журнал*, Вып. 4. – с. 251-266.

Усманова, М. Г. (2002). *Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка Монография*, Уфа: РИО РУНМЦ, 212 с.

Халиков, К. (1967). *Глаголы движения в современном узбекском литературном языке: автореф. дисс... канд. филол. наук*. Самарканд.

Анжиганова, О.П.; Баскаков, Н. А; Боргояков М. И.; Инкижекова – Грекул, А. И.; Патачакова, Д. Ф.; Субракова, О. В.; Белоглазов, П. Е.; Каскаракова, З. Е; Кызласов, А. С.; Р. Д. Сунчугашев; Чертыкова, М. Д. (2006). ХРС – Хакасско-русский словарь, Новосибирск: Наука, с. 1114.

Черемисина, М. И., Озонова А.А., Тазранова А. Р. (2008). *Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири*, Новосибирск: Изд-во Любава. 205 с.

Черемисина, М. И. (1997). Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири. *Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск*, № 4. с. 63-68.

Чертыкова, М. Д. (1996). *Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект): автореф. дисс. канд. филол. наук*. Новосибирск.

Чертыкова, М. Д. (2016). *Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке (системно-семантический аспект): дисс. ... доктора филол. наук: Москва*, 500 с.

Чертыкова, М. Д. (2016). Семантика одиночных эмотивных глаголов в хакасском языке: когнитивная интерпретация. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. Научный журнал (Новосибирск).. №1 (30). с. 70-75.

Шагдурова, О. Ю.; Озонова, А.А. (2014). Глаголы речевой деятельности в тюркских языках и диалектах севера Саяно-Алтая. *Сибирский филологический журнал*. № 2. – с. 157–163.

Чугунеева, А. Н. (1998). *Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка): автореф. дисс... канд. филол. наук*. Новосибирск.

Юлдашев, А. А. (1961). *Глаголы чувственного восприятия (verba sentiendi) в тюркских языках. Историческое развитие лексики тюркских языков*. – Москва: АН СССР, с. 294-461.

фото

с. 92, 96, 99, 103 - Л.В. Ерёмин

с. 93, 97, 98, 100, 101 - К. А. Покоякова